

Op. 84
D-15

**Владимир
Иванович
Даль**

**ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ПИСАТЕЛЯ**

Sanborn

0P84
D 15

0P84,5
811/2/00-14/1-4

Даль

Владимир Иванович

Оренбургский край
в художественных
произведениях
писателя

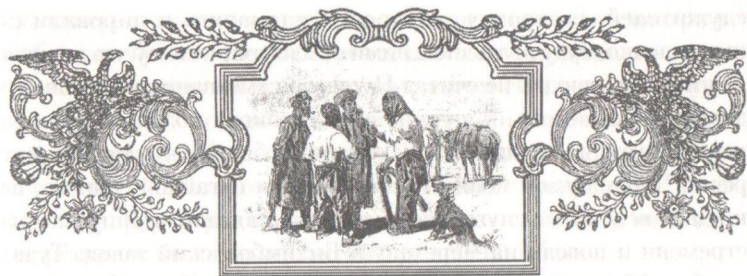
05 а-273696
16 17

Оренбургское книжное издательство
2001

Оренбургская областная научная
библиотека им. Н. К. Крупской

Handwritten initials

РАССКАЗ ВЕРХОЛОНЦОВА О ПУГАЧЕВЕ

Билимбаевский заводский служитель Верховлонцов, будучи 85-ти лет, рассказывал в 1831 году похождения свои с шайкой Пугачева; передаем их, как рассказ очевидца. Верховлонцов из походных сотников пугачевских дослужился, волей и неволей, до полковника 3-го яицкого полка и рад был, по окончании этого поприща своего, что мог попасть опять, подобру-поздорову, в рядовые служители. 1774-й год осю пору в восточной России слывет пугачевским и служит в народе исходной точкой для летосчисления.

— 18-го января 1774 года, — говорит Верховлонцов — мы впервые услышали о приближении Пугачева; я был горным писчиком, и у меня было под рукой рабочего народа до 500 человек, которые работали на рудниках. Молва о распри Пугачева, ненависти его к помещикам и боярам всюду поднимала народ, который, по глупости, рад был такому безначалию: и в моей команде нашлись бойкие выскочки, за которыми потянули и другие: все отбились от рук и грозили мне смертью, коль скоро прибудет сюда Великий Государь, как народ звал, в невежестве и будучи обманут, самозванца. Один из работников сверзил (столкнул) меня в рудную яму, а другие подняли на меня такой гарк, что я рад был, утекши от них. Заводские приказчики, которых народ не любил, бежали в лес, не смея приклонить головы у буйных крестьян; после они добрались до Екатеринбурга; а несколько добрых

служителей, нестрогих до народа, оставались и пировали с ними заодно, будучи заодно с ними обмануты, потому что вначале никто на заводах не считал Пугачева самозванцем. Я ушел в деревню Крылосово, к шурина своему; около полуночи насккали разъездные из шайки; между ними был и зять мой из деревни Черемши: он меня отыскал, ударил нагайкой сонного, а когда я вскочил, испугавшись, то меня связали, припутали к стремени и повели на Черемшу в Билимбаевский завод. Туда прибыл 18-го января пугачевский полковник Иван Наумович Белобородов, бывший командир Кунгурского уезда Богородского села, знавший, как сказывали, истинного царя Петра Федоровича и убеждавший всех пристать к самозванцу, называя его царем. Мне велели явиться к нему, в жилье у приказчика Антона Ширкалина, я упал перед ним на колени и просил пощады. «Бог и великий государь прощают», — сказал суеслов Белобородов. На нем был нагольный тулуп и сабля на поясе. Узнав, что подо мной было до 500 рабочих, он приказал мне завтра, чем свет, выстроить их и сделать им перекличку по горным спискам. При Белобородове находился кунгурский татарин, Алзафор, ревностный слуга Пугачева: он везде первый кричал на сборищах: *Осударь Питер Педорович*, а кто чуть только не поддавался ему, того он жестоко бил и истязал; этого татарина все боялись. Звание походных сотников и старшин несли на себе служители Осокинского Юговского завода, первые последователи Белобородова: все они одеты и вооружены были по-казацки. Как Белобородов, так и сам Пугачев, старались получить доверие народа лестью, притворною трезвостью и кротостью, будучи на самом деле приверженцами раскольников, с которыми были у них тайные стачки и переговоры, почему они в душе были люты и ненавидели всех православных.

Ночью я выстроил своих 500 человек в одну шеренгу против жилья полковника и ждал рассвета. Белобородов встал рано, и меня тотчас позвали. «Что, любезный друг, исполнил ли ты приказ мой?» — спросил он меня. «Исполнил, ваше высокоблагородие». — «Хорошо». Он встал со стула, надел лисий малахай (шап-

ку) наперед ушами и вышел. Все умолкли; он осмотрел мою рать, выбрал из нее человек 300, а остальных не принял, за старостию, калечеством и малолетством; потом скомандовал фрунт, выхватил саблю, оборотился к старшинам и сотникам, которые также вынули сабли из ножен. «Поздравляю тебя, — сказал он мне, — походным сотником, а вас, ребята, с товарищем». Я поклонился; рад-не рад милости, а надо было кланяться; меня тотчас остригли по-казацки, под айдар, и дали саблю.

В этот день было много шума, тревоги и буйства между народом, крестьяне и работники перепились, гуляли пьяные по улицам, кричали и бушевали; коли кто кричал: «за здравие государя Петра Федоровича», то этим покрывал все грехи, всякое буйство, и мог делать, что хотел. Конторские книги и весь архив вынесли на площадь и с песнями и бранью сожгли. Кроме рудных рабочих, многие иные люди, кто по воле, а больше из страха, приставали к шайке Белобородова; между ними были и заводские служители; так Герасим Стражев был секретарем, Порхачев — сотником.

Из Билимбаевского пошли мы в Васильевский или Шайтанский завод, где нас встретили хлебом и солью. Белобородов занял дом заводчика Ширяева, а я тут учил его писать его имя: Иван Белобородов, водя руку его своей рукой по бумаге. Здесь же была у нас первая стычка: из Екатеринбурга пришла команда, под начальством капитана Яропольцева, мы взяли в плен 60 человек, и Белобородов двоих из них повесил, двоих казнил на плахе, четырех застегал плетьюми, а остальных постриг в казаки. При этой первой баталии Белобородов удивил всех нас искусством своим стрелять из пушек. На другой день Порхачев послан был на Утку-Демидову, но был разбит и взят в плен; сам Белобородов двинулся туда на помощь, но воротился без успеха.

По отбытии Белобородова, шайтанцы образумились, восстали и, подкрепленные екатеринбургской командой, которая вразумляла, что это-де самозванец, сожгли жилье полковника. Он пошел с нами на Серги (Серганские заводы, после Губиных), оттуда на Каслинский, направляясь к Оренбургу. В Каслин-

ском Белобородов вздумал привести жителей к присяге; там пошли в Богородскую слободу, где стоял другой пугачевский полковник, тоже безграмотный, Самсон. Нас однако же здесь разбили, и вся команда наша разбежалась. Белобородова каслинский мужик увез на Саткинский завод, где мы понемногу стали собираться. Здесь мы взяли Пасху, сожгли завод и отправили донесения к самозванцу в Берды, под Оренбургом. Вскоре мы услышали, что Пугачев разбит князем Голицыным. Поспешив из Сатки к нему, мы встретили его под Магнитною; здесь явились к нему три полковника: два наших, а третий из Сибири. Мы увидали издали, как Пугач разъезжал с наездниками около крепости; он счел нас за неприятелей, потому что мы шли стройно, чего сам он никогда не дельывал; но когда узнал, что его полковники, то подъехал к палаткам своим, поднял знамя и ждал дружины: мы преклонили перед ним свои самодельковые знамена.

При первом взгляде на мнимого царя, я усомнился. Сравнивая его с портретами, я не находил никакого сходства; вскоре я, как многие другие, узнал в нем несомненного обманщика, но страх преграждал уста наши. Пугачев был среднего роста, плотный, в плечах широк, борода окладистая, глаза черные, большие, на нем была парчевая бекеша, род казачьего троеклина; сапоги красные, шапка из покровов церковных, ограбленных раскольниками; самозванец был речист, голос его сиповатый, сам он распорядителен, но впрочем мужик мужиком... Когда взяли Магнитную крепость и Пугачев поехал по улицам, то какая-то женщина выстрелила в него из окна и ранила его в правую руку. Ее изрубили на месте.

Раненый самозванец не мог ездить верхом и потому разъезжал в коляске. Мы пошли с ним в Троицкую, взяли ее, но вскоре оставили: за нами шел от царицы генерал Декалонг. Передовые его настигли нас, окружили меня и сбили с лошади; но я успел поправиться и ускакал, Пугачев пошел на Красноуфимск, где нас встретил капитан Попов: была жаркая баталия, но она кончилась ничем, кроме того, что меня ранили, и мы взяли на-

лево, в Осу, где командовал майор Скрипицын, укрепив город деревянным заплотом и навесом; в нас жарили картечью, а во время приступа кидали с навесу камня и лили кипяток и смолу. От нас привезли много возов соломы, поставили в несколько рядов и стали из-за них стрелять и надвигать их; жители испугались, видя, что мы хотим сжечь их, зазвонили в колокола отбой, растворили ворота и вывели обезоруженных солдат, которые, распустив волосы по плечам, в унынии ждали своей участи. С них тут же сняли мундиры, остригли и одели по-казачьи. Майор Скрипицын с поручиком Минеевым шли до пристани Рожественского Демидовского завода пленными; это было в июне; Скрипицын разъезжал и разговаривал с самозванцем, который тут переправился за Каму; Скрипицын, с поверенным князей Голицыных, ночью отправил письмо по Каме в Воткинский завод, к исправнику Алымову, уговаривая его вооружиться против самозванца и обещая ему помощь. Поручик Минеев открыл это Пугачеву: посланных догнали на Каме, а Скрипицына и Ключникова повесили. За это поручик сделался любимцем самозванца, который пошел вниз, по Каме, на Воткинский. Здесь не встретили мы сопротивления; начальники уехали, управляющий скрылся, полковник Грязной засел в пруду, выставив одну голову; того сожгли в избе, обложив его соломой, а этого повесили.

В Ижевском встретили нас мирно, хлебом и солью; и мы тут не бунтовали: силы нашей прибывало, и самозванец решился идти на Казань. Пришли и стали на Арском поле; Пугачев написал вызовы, чтобы сдавались, казанцы насмехались над нами; на другой день двинулись на город, куда подул и сильный ветер. Завязался бой, густой дым гнало в город; скоро сбили мы казанцев с валу, вошли в город, зажгли его и уже до 15 т. наших ворвались в крепость, но их там заперли. Пугачев хотел задуть головнями засевших там; жгли, резали и грабили; разграбили и монастырь, а игуменью с монахинями вывели на Арское поле; разбили острог и выпустили колодников, в том числе жену и сына Пугачева. В числе добычи на пиршество победы вывез-

ли на Арское поле 15 бочек вина: самозванец угощал дружину свою после каждой удачи.

Настала ночь, развели огни, расположились по полкам и начали попойку; Пугачев сам разъезжал по стану: говор, крик и песни длились далеко за полночь, хотя все очень утомились. Только-что призатихло немного, да сонные туда-сюда повалились с похмелья, как вдруг сталась тревога: подполковник Михельсон, занимавший Царицыно (село), напал на нас, на хмельных и сонных. Кто куда мог — давай бог ноги; много тысяч наших было побито и легло тут, много взято в плен, и весь обоз и артиллерия пропали.

На другой день собрались мы кое-как, хотели устоять; опять на нас надели, и ветер погнал дым на нас. Это, сказали многие, дурная примета. Нас сбили с поля; 5 т. человек с Белобородовым отрезали, полонили вместе с полковником; а самозванец с остальною шайкою бежал вверх по Волге, в Сундырь.

Обезоруженных пленников подполковник Михельсон стал отпускать по домам, приказав находящемуся при нем служителю Серганского завода, Гавриле Владимирову, осматривать пленников, не будет ли между ними самого Пугачева или кого из главных его приверженцев, Владимиров сначала служил Белобородову в Саткинском заводе, съездил оттуда с донесениями к Пугачеву, в Берду; оттуда, догадавшись, что Пугачев обманщик, перешел к Голицыну, а от него поступил к Михельсону. Он всех зачинщиков знал в лицо. Он узнал тотчас же Белобородова, и его задержали вместе с бывшими при нем дочерьми. Слышно было после, что он казнен в Москве.

Сундырь наши разграбили и сожгли за то, что жители потопили суда, чем много затруднили переправу нашу через Волгу. От Сундыря пошли мы Мордвой и Черемисой; народы эти, по склонности к идолопоклонству, ненавидели попов своих; а как христонаступник Пугачев не щадил их, задабривая народ, то хищник этот и сам стал с ними бесчеловечно управляться. В Курмыше, на Суре, близ Алатыря, человек 200 бояр разного рода с людьми своими и пожитками думали спастись на одном

небольшом острове; они даже вооружились, кто чем мог, и раздали людям своим оружие, надеясь отстоять остров в случае нападения; но когда Пугачев приблизился, то прислуга сделалась непокорною, перевязала господ своих и выдала ему. Всех их, не исключая и женщин и младенцев, бесчеловечно перегубили. Взяли Алатырь, пошли на Саранск; *архимандрит* Саранской пустыни встретил самозванца с крестом, за что его впоследствии кн. Голицын повесил. Между тем Пугачев ездил обедать в монастырь, где, по незнанию истины или от страху, приняли его с почетом. В стан Пугачева привели тут генерала Цыплятева с женою, двумя дочерьми и малолетним сыном; всех их безбожно казнили позорною смертью: жену и детей повесили, а Цыплятева истязали мученически до смерти.

Оттуда пришли мы, чрез Пензу, в г. Петровск, где нас встретили без бою; но, боясь Суворова, о котором слухи ходили для Пугачева нехорошие, он поворотил на Саратов. Здесь шло жестокое сражение с городом и гарнизоном; наконец принуждены были сдаться Пугачеву, но все начальство ушло в Царицын. Преследуемые Суворовым, пошли мы в Дубровку, где на перепутье явились к самозванцу донцы, человек до 500, в полном вооружении, в самом исправном виде. Пугачев очень рад был этому подкреплению и принял их с великою честью, не подозревая того, что ему бы лучше было потерять еще 1000 человек своих, чем принять эти 500.

Мы пришли в Камышин, распустили там тюрьму и разбили винный подвал, до 600 бочек, по приказанию Пугачева, выпустили в подвал, не давая никому пить; однако арестанты и чернь пили с земли припадкой и черпая вино шляпами и рукавицами; город вскоре наполнился пьяными и буйными шатунами, пошел грабеж; Пугачев, не посмев долее оставаться, из опасения погони, пошел на Царицын, дал там один только выстрел в московские ворота и, без роздыху почти далее, на Астрахань. Сколько ни бежать, говорится, а где-нибудь, да постоять; остановились мы на ночевку, не доходя Черноярска. Михельсон шел за нами по пятам и ночью подошел, также остановился версты за

2 или за 3; у нас об эту пору было до 60 т. так называемого войска, т. е. разного сброду в нестройных толпах и до 60-ти орудий, вновь забранных в разных местах, после поражения нашего под Казанью. Но все крепко упали духом, и один только страх удерживал огромную шайку около Пугачева; помню, что я думал уйти несколько раз, но боялся, не ожидая доброй участи, если даже и попадусь в руки войск царицы.

Утром, на солнцевосходе, Михельсон напал на нас. Нельзя было более избежать встречи, и началось жаркое сражение: при этом случае оказалось, что вновь приставшие к нам донцы загвоздили пушки наши или подрубали оси и колеса у лафетов. Пугачев был разбит наголову и бежал в Черный Яр с шестью только человеками; там, переплыв Волгу, бежали они в камыши на речках Узеньях, между Волгою и Яиком. Но здесь товарищи его, видя, что уже все кончено и пора неминуемая настала, решились искупить свои головы его головой, почему, схватив его внезапно, связали и привезли сначала в Яицкую крепость (Уральск), а потом в Симбирск, где были тогда Суворов и Панин.

Про себя Верховлонцов прибавил: я уже сказывал, что в Билимбаевском заводе Белобородов произвел меня в походные сотники: в этом чине служил я до 7-го августа и был почти во всех сражениях, сперва с Белобородовым, а потом с самим Пугачевым. У Красноуфимска был я ранен и, находясь близ своей родины, думал бежать, но сробел и остался, тем более, что за мной, по приказанию Пугачева, присматривали и раненого возили в телеге. С другой стороны, и не знаешь, куда бежать и на кого бог приведет наткнуться: у Красноуфимска стоял капитан Попов, с солдатами и вооруженными крестьянами и, как слышно было, не давал никому из шайки Пугачева никакой пощады. Таким образом я оставался прикованным к судьбе самозванца, до самого конца ее, хотя и знал уже положительно, что он обманщик и разбойник, и вовсе не желал быть товарищем его, как и поступил я в шайку его против воли, по милости моего зятя. Я был освобожден в числе других пленных и, по милости царицы, скоро последовало всепрощение.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	6
Оренбургские мотивы в творчестве В. И. Даля.....	9
Европа и Азия.....	17
Чудачество.....	24
О котях и о козле.....	28
Об очках.....	31
Из «Солдатских досугов».....	33
О Георгии храбром и о волке.....	39
Сказка о прекрасной царевне Милонеге-Белоручке по прозванию Васильковый глазок, и о трёхстах тридцати трёх затяжных волокитах и поклонниках её.....	50
О Строевой дочери и о коровушке Бурёнушке.....	71
О воре и бурой корове.....	79
О баранах.....	87
Серенькая.....	92
Охота на волков.....	112

Обмиранье.....	128
Полуночник (<i>Уральское предание</i>).....	147
Уральский казак.....	158
Рассказ Верховлонцова о Пугачёве.....	175
Осколок льду.....	183
Башкирская русалка.....	192
Бикей и Мауляна.....	213
Майна.....	290
Гофманская капля.....	338
Примечания.....	403

